

Приложение № 41
Рассказ Алябьева Якова Николаевича.

Я, из раскулаченных, моя семья до раскулачивания проживала в Алтайском Крае, недалеко от с. Павловска и г. Барнаула. Раскулачили и отправили нас как и всех в 30-м году, а определили трудпоселение в Нарымском округе. Везли сначала из Барнаула по железной дороге, затем запихали всех в баржу и буксир потащил ее в Нарым. Так мы стали спец переселенцами. Поместили нас в Чайнском районе, жили в п. Гришкино, Тоинка, Макарьевка. Затем меня с разрешения комендатуры направили на учебу в Томск в школу бухгалтеров-счетоводов. Школу я закончил успешно и меня направили на работу по специальности в п. Парбик, в Парбикскую комендатуру, но дали открепление.

В 1937 г. я был арестован, летом. Сверху по реке Чая шли баржи и туда помещали арестованный народ в деревнях и селах, где баржи останавливались, а останавливались они в каждом приречном поселке. Баржи – это громко сказано, вообще-то их называли павозками, малые речные баржи. Вот и меня со всеми арестованными в Парбике, впихали в эту баржу, а их тогда буксир тянул 2 штуки. В каждой было человек 300. Поначалу некоторые умудрялись передать вещи, письма родственникам, а когда приехали ближе к Оби режим стал жестче. Обслужка на барже была из арестованных, обслужка кипятила воду для всех других, от них и узнавали кое-какие новости. Их выпускали из трюмов на поверхность павозков.

В Колпашево из павозков выгрузили в большие речные баржи, они уже оборудованы были и стояли на реке, к берегу их не подгоняли. До берега на допрос возили на лодках. Вы кликнут фамилии в трюм и на лодку. Все под конвоем, а на берегу ведут пешком до Окротдела НКВД. Одних часто на допрос дергали, других долго не вызывали, ждали по долгому, кого-то 1 – 2 раза выдергивали, а потом с вещами, кто-то возвращался после допроса, кто-то нет. Условия в баржах были ужасные. Под ногами вода, со стен течет, вонь, духота, тут же холод, кормежка хуже нет. Все было, вши были, дизентерия, не хочу говорить. Били ли на допросах? Об этом у нас не говорилось; но с мордами разбитыми, без зубов возвращались. О чем спрашивали, что надо следователю – обычно не говорили, боялись. Из знакомых мало кто был, и в разговоры старались не вступать, а то групповое следователь припишет.

Баржи как оборудованы? В них до нас муку и зерно возили по реке, а тут приспособили: 3 ряда по 2 места, голова к голове. Два ряда по бокам, один по центру. 4-х ярусные, в каждой было 2 – 3 тысячи человек. Рядом с той баржей, где я был, еще одна или две стояли, это в районе п. Маттянга, говорили, что еще в другом месте несколько барж стоит.

Меня допрашивать вызывали 2 раза. На первом же допросе, в чем обвиняли, я сознался, чтобы не били, второй раз вызвали, чтобы что-то

подписал и все. В НКВД встретил знакомого, у него на курсах учился, Пироцкого. Парой слов перебросились. Я его спросил о чем с ним следователь говорит, о чем спрашивает, а тот весело почти ответил, что анекдоты со следователем рассказывали друг-другу, да только следователь записывает. Потом Пироцкий погрустнел, а нам сделал конвой предупреждение, чтобы не разговаривали, развели нас по разным кабинетам, больше его не видел, а обвиняли меня в том, что я эсэро-монархист, восстание готовил в Сибири, а Пироцкий вроде как у меня командир. В общем чепуха какая-то. Чепуха-то чепуха, а срок дали 10 лет ИТЛ и 5 поражения в правах. В августе 37, где-то в начале месяца, или в 1-ой половине, ночью вы кликнули мою фамилию с вещами наверх. Вышел, нас таких, в лодку погрузили и на пристань, где дебаркадер стоял привезли, там в кучу согнали, постоянно пересчитывали, переклички делали. Никого знакомого, а человек 150 мужчин и 3 женщины. Там же на берегу около воды, между дебаркадером и Магазином, он „Белым” назывался, на горке как бы, зачитали приговор. Всем сроки дали, кого к 10, кого к 8 годам приговорили. Нигде не расписывались, только фамилию вы кликнут и говорят: „Тебе срок 10 лет ИТЛ.”

Охрана относилась к нам дружелюбно, разрешили даже выборщикам от нас деньги у кого есть собрать, и когда магазин открылся, сводили их туда, курево, чай, жратву купили на них. Погрузили потом в пароход колесный „Карл Маркс” назывался, и повезли, а куда никто не говорил. Привезли в Томск, выгрузили рядом с пристанью, грузовой, чтобы значит нас никто не видел и мы никого не видели и пешком погнали в гору в Томскую Тюрьму, а оттуда уже увезли этапом на восток, на Колыму.

Вот там 10 лет и отбыл, да и потом еще 5 лет держали уже расконвоированного. Что в лагере делал? Дорогу для машин, трассу сначала строили, затем золото в шахте добывал для страны, наприиске работал. Раздольное, Партизанский, имени Гастелло, Богатырка, все это знакомо. Очень тяжко было в 37 – 38 годах на Колыме, думал – сдохну. Работы много, а кормежка – херня. Многие коньки отдали, переоделись из лагерного бушлата в деревянный, как тогда говорили, а вот как война началась, так жить стало лучше.

С материка завозить продукты в лагерь видно несподручно было, так нам американскую муку белую высший сорт привозили, спирт и виски тоже американские и тушенку. Хлеб из этой муки выпекали. Так что харч нормальный стал и режим послабже. Кто норму перевыполнил, тому еще премблюдо было, пирожки с колбой, капустой, картофелем и спирта бутылка, а в 37 – 38 годах за невыполнение нормы можно было спокойно под расстрел залететь, саботаж экономический, опять же по 58-ой статье припишут и в назидание другим – шлепнут, особенно при Гаранине, когда он СВИТЛом командовал.